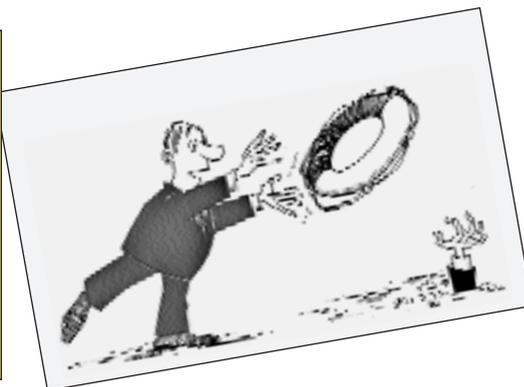

О том, что имя собственное не всем предметам свойственное, а имя нарицательное дано как обязательное

О.Е. Вороничев

Принадлежность к собственным или нарицательным именам не случайно стала первым постоянным лексико-грамматическим признаком существительного, так как другие свойства, и прежде всего лексико-грамматический разряд по отношению к категории числа, в полной мере проявляются у нарицательных существительных.

По мнению Л.Д. Чесноковой, при морфологическом анализе имен собственных «следует помнить, что они не изменяются по числам (*Кавказ, Альпы, Лермонтов* и др.). Однако в некоторых случаях имена и фамилии могут использоваться в форме множественного числа, но при этом происходит изменение семантики существительного». Такого рода собственные имена исследователь объединяет в 5 тематических групп: 1) родственники; 2) однофамильцы; 3) тезки; 4) разные лица, имеющие общий признак в характере, поведении (*Маниловы, Обломовы*); 5) имена, типичные для определенной страны или социальной группы [7, с. 23]. Семантика подобных собственных имен, употребляемых в форме мн. ч., по ряду признаков приближает их к нарицательным существительным. Поэтому следует согласиться с практическим указанием Л.Д. Чесноковой, что при анализе таких слов, имеющих принципиально иное лексическое значение в сравнении с однокоренными именами в форме ед. ч., начальной формой целесообразнее считать им. п. мн. ч.

Только нарицательные существительные обладают полноценным лексическим значением, по-

скольку имеют понятийное содержание. Любое нарицательное имя, входящее в наш словарный запас, вызывает в сознании определенное представление о том, что им названо. Например, услышав слово *стул*, мы соотносим его с предметом мебели в виде сиденья, имеющего ножки и спинку и рассчитанного на одного человека. Совокупность перечисленных признаков образует понятие, составляющее основу лексического значения существительного *стул*. **Собственные же имена отличаются от нарицательных «тем, что они только называют объект, но не выражают никакого понятия»** [5, с. 185], образуя особую лексическую область – ономастику, в которой действуют не всегда или не в полную силу все обязательные для нарицательных имен законы языка и существительные в зависимости от объекта номинации объединяются в ономастические разряды: топонимы (географические названия – *Десна, Лондон*), антропонимы (имена, фамилии и отчества людей – *Степан Петрович Иванов*), зоонимы (клички животных – *Барсик, Тузик, Зорька*), астронимы (названия небесных тел – *Юпитер, Млечный Путь*), идеонимы (названия документов, художественных и научных произведений – *Уголовный кодекс РФ, Отцы и дети, История государства Российского*), мифонимы (имена мифологических персонажей – *Зевс, Перун, Святогор*) и т.д. [4].

Разделение существительных на собственные и нарицательные основано на индивидуальности или однородности называемых ими предметов.

Например, существительное *Брянск* является именем собственным, так как называет уникальный город России, а существительное *город* относится к нарицательным, поскольку обозначает типичную административно-территориальную единицу, т.е. предмет из ряда подобных. Таким образом, нарицательное имя служит названием как конкретного предмета, так и целого класса, к которому данный предмет относится, а собственное имя обычно дается одному предмету и является как бы его собственностью (отсюда название этого лексико-грамматического разряда). Собственное имя в сравнении с нарицательным – вторичное наименование. Например, новорожденный ребенок часто еще не имеет личного имени, но уже имеет нарицательное: младенец, мальчик или девочка, человек. Далеко не все, что существует или появляется в природе, должно иметь имя собственное, но все, познание человеком, обязательно имеет нарицательное имя. При этом нарицательное имя, как правило, дается предмету не случайно, поскольку оно не только называет, но и описывает объект, содержит определенную информацию о нем. Вполне объяснимы названия автомашин *грузовик* и *самосвал*, женских профессий *ткачиха* и *доярка*, инструментов *зажим* и *наковальня* и многие другие. Собственные имена по отношению к предмету обычно носят случайный, условный характер. С их помощью нельзя дать логическое определение какому-либо слову. Попробуйте, например, определить, используя только собственные имена, слово *дуб*. Это можно сделать только при помощи имен нарицательных: «Крупное лиственное дерево семейства буковых с крепкой древесиной и плодами-желудями»*.

В связи со сказанным возникает вопрос о границах ономастического наименования. Поиски ответа привели известного исследователя антропони-

мики А.В. Суперанскую к выводу, что из всего комплекса окружающих нас предметов, действий, качеств и отношений лишь предметы могут иметь собственные имена и чем реальнее и конкретнее предмет, тем выше его способность иметь собственное имя. Ничто не мешает тому, чтобы собственное имя было у каждого животного, дерева или бытового предмета, но в действительности получают имена лишь те объекты живой и неживой природы, которые представляют особый интерес для человека и нуждаются в персональном подходе.

Не имеет окончательного практического решения для выработки четких принципов морфологического анализа собственных имен и вопрос об их протяженности и составе. Разбор таких наименований, как «Война и мир», «Кому на Руси жить хорошо», «На всякого мудреца довольно простоты» и т.п., может вызвать серьезные затруднения. Л.П. Буланин выявляет объективные причины этих трудностей: «Для того чтобы признать существительными собственными все типы названий, не являющихся по форме существительными, необходимо прежде установить... факт субстантивации, от чего, однако, пока воздерживаются и научная, и тем более школьная грамматика» [1, с. 32].

Между тем нельзя утверждать, что собственные имена, называя предметы, абсолютно ничего не обозначают. Почти все они произошли от полных или корневых основ нарицательных существительных, хотя современными носителями языка эта мотивированность наименования чаще всего не осознается. Тем не менее нетрудно установить, что, например, имена с латинским корнем *Виктор* и *Виктория* обозначают «победитель» и «победительница»; древнескандинавские имена *Хельг* и *Хельга*, получившие русскую переогласовку *Олег* и *Ольга*, имеют в языке-источнике значение

* Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. язык, 1990.

«святой» и «святая»; *Анастасия* в переводе с греческого значит «воскресшая». Прозрачна этимология русских женских имен *Светлана, Вера, Надежда, Любовь* и др. *Чернышом* обычно называют котенка с черной шерстью, а кличку *Дозор* охотник дает щенку в надежде на то, что эта собака будет раньше других находить дичь. Нетрудно догадаться, каким ремеслом занимались прародители людей с фамилиями *Кузнецов* (или *Ковалев, Коваленко, Ковальский, Ковальчук*), *Гончаров, Столяров, Плотников* и т.п. Сведения о происхождении своего имени или фамилии можно найти в специальных справочных изданиях.

А.В. Суперанская обоснованно утверждает, что «имена людей – часть истории народов. В них отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты» [6, с. 3]. Собственные имена людей могут быть социальными знаками или приметам времени. Например, в XIX в. в России женскими именами *Агафья, Фекла, Ефросинья* и т.п. называли крестьянок или купеческих дочерей. Именами *Ставр, Добрыня, Предслава, Рогнеда* и т.п. назывались наши далекие пращурь, и на страницах историко-художественных произведений эти антропонимы становятся для нас условными знаками эпохи Древней Руси. Каждое известное собственное имя порождает массу ассоциаций, связанных с историческими, культурными, географическими и многими другими понятиями. Лучше всех об этом сказал А.С. Пушкин: «Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!»

Для того чтобы показать, что известные собственные имена обозначают для нас нечто большее, чем неизвестные, А.В. Суперанская предлагает сравнить два экспериментальных мини-рассказа:

1. *Самсонов не был Березиным, но он все же поехал в Копытов, чтобы стать Киселевым, Печкиным, Абрамовым.*

2. *Самсонов не был Пушкиным, но он все же поехал в Петербург, чтобы стать Некрасовым, Белинским, Чернышевским.*

Очевидно, что в первом случае рассказ не имеет почти никакого смысла; можно только констатировать, что Копытов – название города или поселка, а остальные пять собственных имен – фамилии неизвестных лиц, из которых четыре последних никак не определяют первое. В сопоставляемом тексте хорошо известны все собственные имена, кроме первого, и поэтому, зная, что Пушкин и Некрасов – поэты, а Белинский и Чернышевский – критики, можно уже вполне определенно судить о том, кем хотел стать Самсонов. Следовательно, информация, содержащаяся в известных фамилиях, приближает их к именам нарицательным.

Границы между собственными и нарицательными именами неустойчивы. К переходным явлениям относятся:

1) издательские и товарные знаки, т.е. названия газет, журналов, конфет, духов, марки автомобилей, часов, компьютеров и т.д., которые могут считаться собственными потому, что тиражируются, изготавливаются в больших количествах не они сами, а носящие их предметы;

2) лексика терминологического характера: *таблица Менделеева, теорема Ферма, торричеллиева пустота, английская соль, даурский хомячок* и т.п.;

3) сортовые и фирменные названия: «*Антоновка пятисотграммовая, конфеты «Суфле», зубная паста «Поморин»* и т.п. (ср.: *посадить антоновку, взвесить суфле, почистить зубы поморином* – при серийном производстве и массовом бытовом употреблении данной продукции ее собственное название превращается в видовое обозначение, т.е. становится нарицательным).

Отсутствие строгих границ между собственными и нарицательными существительными имеет негативные последствия для практического применения знаний об особенностях этих лексико-грамматических разрядов, т.е. является одним из наименее упо-

рядоченных положений орфографического кодекса. Многочисленные попытки унифицировать сложные, основанные на семантике правила употребления прописных букв пока не увенчались успехом. Авторы популярного пособия «Современная русская орфография» А.И. Кайдалова и И.К. Калинина отмечают, что применение главного правила – имена собственные пишутся с прописной буквы – не вызывает затруднений, если название состоит из одного слова: *Ирина, Москва, Волга, Альпы*. Проблемным остается написание названий, включающих несколько слов, так как «нелегко объяснить, почему в названии *Военно-Морской Флот* с прописной буквы пишутся все слова, а в названии *Гражданский воздушный флот* – только первое слово», из чего следует вывод, что «правила употребления прописных букв совсем не безупречны и нуждаются в дальнейшем упрощении» [3, с. 142].

Иногда существительные подвергаются в процессе развития языка ономизации и десемантизации, т.е. переходят из нарицательных в собственные и утрачивают свое былое значение. Например, топоним *Украина* до XVII в. существовал в русском языке как нарицательное имя с конкретной семантикой: окраина Киевской, а затем Московской Руси. В этом значении слово впервые употреблено в Киевской летописи под 1187 г. Сообщая о смерти переяславского князя Владимира Глебовича, летописец записал: «Плакашия по нем все переяславцы... о нем же *украина* много постонала». Именно в этом несобственном значении слово активно используется и в художественных произведениях о соответствующей эпохе – например, в историческом романе К.С. Бадигина «Корсары Ивана Грозного»: «Бояре и воеводы в один голос указали на князя Воротынского. "Он-де, – сказали они, – хорошо знает повадки ордынцев и умеет бить их в степях московской *украины*". К данной категории можно отнести и другие бывшие нарица-

тельные имена, ставшие затем собственными: *мещера* (народность) – *Мещера* (край), *литва* (народность) – *Литва* (государство) и др. Вполне прозрачно происхождение названия города *Орел* или кличек животных *Шарик, Рыжик, Вихрь* и т.п.

Не менее продуктивен в языке и обратный процесс – переход собственных имен в нарицательные или образование нарицательного имени от производящей основы собственного. В словаре, прилагаемом к научно-популярной книге Л.А. Введенской и Н.П. Колесникова «От названий к именам», приводится свыше 2000 русских и иноязычных по происхождению слов, созданных на базе собственных имен, в том числе *ампер, вольт, ом* (единицы измерения силы электрического тока, напряжения и сопротивления, названные именами открывших эти явления физиков), *арабеска* (по французскому названию географической области Аравия – *Arabie*), *бандеровцы* (участники военных формирований украинских националистов в Западной Украине в 1943–1947 гг., названные по имени их руководителя С.А. Бандеры), *весталки* (жрицы древнеримской богини Весты), *морзянка, спартакиада, чарльстон* и др. (см. [2]).

Подвижны границы и внутри самого класса собственных имен: например, топонимы и антропонимы становятся зоонимами, когда лошадь называют *Волгой*, а кота – *Васькой*. Иногда собственное имя становится нарицательным, а затем обретает второе рождение в том же самом или другом ономастическом разряде. Такая судьба была, например, у фамилий людей или кличек животных *Цезарь* и *Король*, генетически восходящих к именам древнеримского полководца Гая Юлия Цезаря и императора франков Карла Великого. Эти собственные имена в последующие исторические эпохи, подвергаясь переогласовке в национальных языках, стали употребляться как нарицательные названия монархов (*цезарь*, *кесарь*, *кайзер*, *царь* и *король*), т.е. на протяжении своего исторического существования сначала они подверглись деонимизации, перейдя из разряда антропонимов в нарицательные существительные, а затем вновь ономизировались. Корни этих имен мы находим в архаических топонимах *Царицын* (Волгоград), *Царское Село* (г. Пушкин), фамилиях *Кесарев*, *Царев*, *Королев*, *Короленко* и др.

Литература

1. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М., 1976.
2. Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названий к именам. – Ростов/н/Д.: Феникс, 1995.
3. Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография. – М.: Высшая школа, 1983.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.
5. Русский язык / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Изд. центр «Академия», 2001.
6. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л.: Лениздат, 1991.
7. Чеснокова Л.Д. Трудные случаи морфологического разбора. – М.: Высшая школа, 1991.

Олег Евгеньевич Вороничев – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания факультета начальных классов Брянского государственного университета.